

К 80-летию со дня рождения
А. А. Фадеева

«ЛЮДИ — КЛАД ДЛЯ ПИСАТЕЛЯ»

В августе 1950 года я получил от А. А. Фадеева небольшое письмо. Был я тогда директором Редкинского завода, что близ города Калинина и недалеко от Московского моря. Александр Александрович писал, что слышал обо мне как рыбаке и охотнике и хотел бы «нагрнать» в наши места в свободное время вместе со старшим сыном.

И вот он приехал. Высокий, седой, в светлом костюме, лицо молодое, симпатичное. Не откладывая дела в долгий ящик, мы поехали на Московское море. Облюбовали площадку между селами Мутня и Дмитриево,

Александр ФАДЕЕВ на отдыхе в 1952 году.

Фото Георгия ЗАРАХАНИ

где протекал небольшой ручеек. Установили просторную палатку, привезенную Фадеевым, нарубили дров, сделали таган, развели костер. Александр Александрович с сыном Сашей ушли на речку Инюху. Вскоре они вернулись с хорошим уловом, из которого была сварена уха. А с наступлением темноты — временем тяги — заняли свои места по указанию егеря. Уток пролетало много, но Фадеев сделал всего несколько выстрелов. Когда уже совсем стемнело, я позвал его к ужину.

— Послушайте-ка Московское море, — сказал он. — Вот утка летит, вот шлепнулась на воду, вот рыба плещется, лягушки шумят, шестист камыш. Звучи стихи, но стихи пока спокойной. Симфония действительной жизни! Человеком не только не придуманная, но даже вполне обходящаяся без человека. В одном из своих романов Кнут Гамсун удачно назвал это «кипячей кровью самой великой природы».

В тот раз мы прожили в лесу двое суток. Фадеев был в восторге от Московского моря, Волги, соснового бора. По его словам, в природе Верхневолжья, особенно осенью, есть какое-то непередаваемое очарование, от которого прямо-таки обновление души происходит.

С этих пор Фадеев время от времени навещал нас, приезжая с кем-нибудь из товарищей отдохнуть, походить по грибы, а иногда и уединиться, поработать. Останавливался он или в поселке Редкино, или в лесу, в доме отдыха «Игуменка».

Пионеры Редкина сговорились как-то обратиться к писателю с просьбой написать роман или повесть для детей. Однажды утром большой группой они пришли к нашему дому. Фадеев вышел к ним, они зааплодировали, а одна первоклассница, прижимая к себе обеими руками огромный букет цветов, стала перед ним и четко сказала:

— Александр Александрович, примите этот букет за роман «Молодая гвардия». Мы просим вас написать о молодежи еще одну книгу.

Фадеев нагнулся к ней, взял букет. Он был тронут, но сначала отказывался, говорил, что писатели есть разные, у каждого свой профиль. Гайдар, например, писал всегда для детей, а он пишет в основном для взрослых. Но пионеры так упрашивали, что Александр Александрович наконец сказал:

— Ну, что ж, я давно хочу о юности своей на Дальнем Востоке написать. Значит, нельзя больше откладывать. Тем более, что роман уже сложился в голове. Могу рассказать, если слушать будете...

И рассказывал нам несколько часов. В его рассказе автобиографического было много. Александр Александрович поведал, что должно войти в роман, рассказал о своей молодости, о Сергее Лазо, братьях Игоре и Всеволоде Сибирцевых, других друзьях и товарищах, о подпольной работе, вступлении в партию, своем участии в партизанском движении.

В Редкино Фадеев ездил не только охотиться. Он очень интересовался жизнью людей, расспрашивал меня о хозяйственных делах и чисто инженерных проблемах. Он собирал тогда материал для романа «Черная металлургия».

— Книг прочел уйму, — сказал мне однажды Александр Александрович, — могу сдавать экзамены на инженера.

Письменный стол его в московской квартире в то время был буквально завален книгами по металлургии. Это я видел сам, когда жил у него во время Второго съезда писателей, на котором присутствовал в качестве гостя.

Фадеев мог часами беседовать с заинтересовавшим его человеком, и все: охота, рыбалка, грибы — отодвигалось на второй план. Раз в деревне Власово в колхозе «8 Марта» он разговорился с одной колхозницей о разных житейских проблемах. Женщина оказалась словоохотливой, толковой. Я сходил в лес, набрал грибов, а они все сидели на крыльце и тихо беседовали.

— Такие люди — клад для писателя, — говорил потом Александр Александрович. — Она, можно сказать, выразительница народной точки зрения, народной нравственности. И вообще удивительный народ наши крестьяне. Это Лев Толстой очень хорошо чувствовал и замечательно показал в своих произведениях. А как беззастенчиво любят Родину! Среди крестьян много героев, людей высокой нравственности, а мы, писатели, пока что мало уделяем им внимания. Я когда-нибудь обязательно напишу о русском крестьянстве.

...Смерть Александра Александровича меня потрясла. Я видел его всегда энергичным, целеустремленным, увлеченным литературным творчеством и большой общественной работой. А если он и сетовал иногда, то только на то, что у него слишком мало времени остается для писательского труда.

— Когда наступает вдруг прозрение, — признался как-то Фадеев, — своих героев видишь отчетливо, как в жизни, со всеми черточками; тут работаешь как старатель в тайге над золотой жилой. А вот уединиться-то временами очень трудно бывает...

Владимир ДИЕВ

пос. РЕДКИНО,
Калининская обл.

Двухтомник «Избранного»

Николая Дамдинова

ПОЭТИЧЕСКАЯ известность Николая Дамдинова началась, пожалуй, с памятного многим вечера в переделкинском еще общежитии Литинститута, когда он и его товарищи читали стихи Александру Трифоновичу Твардовскому. Твардовский тогда сказал: «Пишет смело, размашисто. Хорошо, что он вот так размышляет о жизни, не избегает и темы смерти. Поэт должен смело касаться таких тем».

Что привлекло тогда признанного мастера в стихах молодого бурятского поэта? Слова Твардовского — оценка, концентрация его мыслей, его тогдашнего состояния, настроения, вызванного стихами Н. Дамдинова. А стихи — поэма «Песнь степей», опубликованная затем в первом номере «Нового мира» за 1957 год. — это рассказ о том, как юноша покидает отчий дом и уходит... Куда? Уходит вообще, в большую жизнь, которая, как и степь, не имеет сейчас для него конца и края. Рефрены: «Как степью широкой, по жизни хочу пройти», «Как степью широкой, по жизни пройти я готов».

Сколько было и есть таких юношей, упоенных восторгом открытия большого мира и пишущих об этом стихи? Наверно, несть им числа... Да и сам восторг этот, по-юношески максималистский, у кого-то вызовет улыбку своей непосредственностью, а у кого-то и раздражение своим максимализмом, однолинейностью... Но в то-то и дело, наверно, что с самого начала Дамдинов по внутренней сути своей был чужд однолинейности. Если сейчас, по прошествии многих уже лет, попытаться одним словом определить суть его поэтической работы (такие попытки, видимо, не всегда оправданны и не ко всем применимы), то слово это будет — серьезность. Серьезность, то есть взгляд на любое явление, движение души — неоднозначный, все-сторонний, объективный, не замкнутый в пределах одной мысли, одного положения. Не столько утверждение, сколько — понимание. А это значит, что каждый тезис имеет свой антитезис. Сразу за строчкой «Как степью широкой, по жизни хочу пройти» следует, казалось бы, совершенно неожиданная здесь строка: «И чего это, собственно, так спешу прошагать дорогой земною?». В одном стихотворении — и оноское упоение безмерностью жизни, и спокойное осознание того времени, когда «назавтра начнется день, первый день без меня... Песней я начал свой путь, и песне его завершить».

Нельзя сказать, что юношам несвойственно на заре жизни думать о ее итоге: как раз, быть может, наоборот. Но чаще всего эти раздумья идут в том же несколько максималистском русле, на пределе эмоций, на крайностях утверждения и отрицания, радости и боли... Здесь же — абсолютно «взрослая» серьезность в каждом слове, в самой интонации стиха. Серьезность, с какой, наверно, смотрит старый бурят сквозь непроницаемые прорези глаз на свою степь, зная ее всю, от края и до края, и принимая ее такой, какая она есть.

Через двадцать с лишним лет Николай Дамдинов пишет вторую «Песнь степей». Это вовсе не означает, что Дамдинов сегодняшний поучает или поправляет себя с высоты прожитых лет. Это продолжение все того же разговора, развитие все того же всестороннего взгляда на жизнь... Была в той, первой поэме строчка, обыденная, «про-

ходная», которая казалась настолько бесспорной, что и читательский взгляд на ней не очень-то останавливался. Но через двадцать лет Дамдинов поставил ее эпиграфом ко второй поэме: «...моя степь, распростершаяся, звеня, нету конца у тебя...».

Да, юным мнится, что «раздолью степи нет конца», но проходит время, и неумолимо возникает вопрос, появляется сомнение, а потом, через годы, «суть вещей постигая в пути», приходит человек к тому, что «степь бескрайняя тоже имеет предел». И, наверно, одного этого уже достаточно, чтобы стихи были: да, есть предел, есть путь, пройденный человеком, и в этом нет тупика, нет безысходности, потому что между двумя этими строчками — жизнь человека, а

Пытаясь выделить какие-то, на наш взгляд, наиболее характерные черты поэтической работы Николая Дамдинова, мы тем самым волюно или неволю сужаем круг, оставляя за чертой многие другие стихи и поэмы. Но, видимо, разговор о главном — о всесторонности, о диалектичности взгляда на жизнь — оправдывает эти невольные ограничения. Ведь диалектичность не «инструмент», а суть его стихов, начиная с «Песни степей» и венка сонетов «Звездный путь» с его афористическим центром — «Поэт земли — всегда певец восхода» — и кончая, допустим, стихами о табунщике Дугаре...

Вековечный, устоявшийся уклад жизни и новое, непривычное, часто непонятное — как

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ И ТАБУНЩИК ДУГАР

она не проходит бесследно. Это так, но все же... Все же не только о жизни человека, не о степи же речь...

Не знаю, как в бурятском языке, а в русском слово «мир» в значении «планета», «Земля» имеет еще один смысл, правда, уже выходящий из употребления — деревня, на миру, мирской сход, всем миром... В казахском языке — та же параллель. Слово это в двух его значениях активно употребляется на всех уровнях, и двусмысленность его обыгрывается в язвительной казахской пословице: «Только не говори, что ты деревня — это весь мир». Но это — к слову. А дело в данном случае в стихах Дамдинова, в том, что он не ограничился, не мог ограничиться просто тезой и антитезой о бес-
предельности и предельности степи:

Степь бескрайняя
тоже имеет предел.
Ведь в просторах земли —
она малая малость.
(Подчеркнуто мной. — С. Б.)

За пределами любого, пусть даже самого широкого круга — Земля, огромный мир. Будь иначе, не будь вывода за пределы этого круга, неизбежно нарушилось бы равновесие, сместился бы центр, потерялась бы, как это не раз бывало, точка отсчета. И когда Дамдинов говорит о степи: «Я шагаю, я помню, — она не бескрайна...», то в этой строке не случайно употреблено слово «помню», а не слово «знаю», хотя, казалось бы, сама жизнь привела поэта к этому знанию, но ведь поэт — сын народа, в нем ведь и память народная, а народ-то знал это всегда, и потому суть здесь не столько в знании, сколько в напоминании себе, детям, друзьям-товарищам, всем: нет большего заблуждения, чем замкнутость в одном круге, абсолютизация одной идеи, одного опыта, одного утверждения...

И если я вижу замах нулана,
Мне хочется вымолвить
проникновенно:
— Ведь ширь-то степная
не так велика,
Она не враждует,
а дружной бесценна...

они уживались и уживаются в сегодняшнем дне? Что нас ждет впереди? Что обретем? Что потеряем? Сколько копий ломалось и ломается в спорах, сколько крайних точек зрения... И споры эти, видимо, обусловлены естественным течением жизни. Лишь бы не забывалось в них о том, что они, споры эти, не существуют сами по себе, а вовлечены и влекомы этим потоком жизни, лишь бы не забывалось, что есть закономерное течение жизни и никто не в силах остановить новое.

Чтоб Дугар утешился,
вы сканите так старину:
Будут вечно лошади,
будут лошади на лугу...
Чтоб Дугар утешился,
— вы табунщику моему
Только врать не вздумайте,
ибо ложь ему ни к чему.
Объясните старому,
что поделаешь —

век таков:
От седла отучены
жуки

нонников-степняков...
Чтоб Дугар утешился —
беспокойный

он человек, —
Объясните старому,
чем велик наш

великий век...
Как луга родимые,
нас Вселенная обоймет...

Так Дугару скажете —
обязательно он поймет!

Двухтомник избранных произведений Николая Дамдинова — итог двадцатипятилетней работы поэта в советской литературе. И это не только широко известное его стихи и поэмы. Киноповесть «Пора таежного подснежника», пьесы «Доржи Банзаров» и «Кузнецы победы», многочисленные статьи по актуальным вопросам советской литературы, наконец, тексты к фотоальбому «Советская Бурятия» — нет, пожалуй, жанров, в которых бы не работал Н. Дамдинов. Разносторонность в литературе — это не только реализация богато одаренной личности, но прежде всего — обязанность души, попытка ответа на актуальные вопросы сегодняшней жизни.

Сергей БАЙМУХАМЕТОВ